

БОМБОРА

18+

СТИНГ

АВТОБИОГРАФИЯ

Стинг
Стинг. Сломанная
музыка. Автобиография
Серия «Иконы мировой музыки:
жизнь по ту сторону сцены»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67915905

*Стинг. Сломанная музыка. Автобиография: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-172805-2*

Аннотация

«“Сломанная музыка” оставляет ощущение личного катарсиса, что редко встречается в изданиях этого жанра... Вдумчивая и удивительная», – британский журнал London Spectator.

Блестяще написанная автобиография, которая словно роман, погружает читателей в детство Гордона Самнера. Начав свой путь в захолустном английском городке, он сумел покорить весь мир своим талантом и драйвом.

Стинг не стремится рассказать хронологическую и суперпродробную историю своей жизни. Скорее, он собирает воспоминания о местах и людях словно лоскутное одеяло, обращая внимание читателей на определенные, наиболее значимые для него события.

Повествование начинается с детства в старом викторианском доме, где мама будущей звезды знакомит его с миром музыки, увлеченно играя танго на пианино. Заканчиваются же мемуары на берегу тихой реки, в которой обнаружено тело ритуально убитой девушки. К этому моменту Стинг – уже обрел славу, его группа The Police успела распасться, брак закончился разводом и он потерял обоих родителей. И тем не менее, он понимает, что будущее небезнадежно, всё впереди: «Мне хотелось бы верить в то, что было сломано, в конце концов починили, а то, что было неправильно – исправили».

Эта книга – отличный подарок не только поклонникам Стинга, но и всем, кто любит вдумчивое чтение и британскую прозу.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

1
Конец ознакомительного фрагмента.

7
51

Гордон Самнер Стинг. Сломанная музыка. Автобиография

BROKEN MUSIC: A MEMOIR

Sting

Copyright © 2003 by Sting

© А. Андреев, перевод на русский язык, 2022

© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Посвящается

Я посвящаю эту книгу памяти моих родителей: Эрни и Одри, моим дедушкам и бабушкам: Тому и Агнес, Эрнесту и Маргарет, а также тете Эми, Томми Томпсону, Барбаре Адамсон, мистеру МакГо, Биллу Мастаджио, Бобу Тейлору, Дону Эдди (Phoenix jazzmen), Найджелу Стэнджеру, Джону Пирсу (Newcastle Big Band), Кенни Киркланду, Тому Уайту и Ким Тёрнер. Я вас никогда не забуду.

Большую часть своей жизни я писал песни, в которых сжато выражал свои мысли и чувства в коротких, наложенных на музыку рифмованных строках. Я никогда не думал, что напишу книгу. Однако после того как мне исполнилось пятьдесят лет, меня впервые в жизни стала привлекать работа над длинными текстами, которая показалась такой же стимулирующей и интересной, как работа над короткими песнями.

Вот так постепенно стала зарождаться книга «Сломанная музыка». Она о начальном этапе моей жизни, о детстве и юношестве до времен, когда группа the Police начала обретать популярность. Эту историю знают очень немногие.

Я не хотел писать традиционный автобиографический отчет о том или ином событии в моей жизни. Мне было интересно вспомнить кое-какие моменты, некоторых людей и наши отношения с ними, а также отдельные, важные для меня истории, чтобы понять, каким ребенком я был и каким человеком стал.

1

Зимний вечер в Рио-де-Жанейро, 1987 год. Идет дождь, на бульваре у Copacabana Hotel ни души. Ровный асфальт блестит в свете фонарей. Мы с моей женой Труды стоим под зонтом, а над нашими головами в быстрых потоках воздуха смело парят две чайки. Вдалеке угрожающе ревет океан. У обочины останавливается маленький автомобиль. На переднем сиденье силуэты двух фигур, открывается задняя дверь.

Несколько ненавязчивых телефонных звонков, и мы получаем приглашение на религиозную церемонию в церкви, расположенной где-то в джунглях неподалеку от этого огромного города. На переднем сиденье мужчина и женщина. Они говорят нам, что церковь находится приблизительно в полутора часах езды от района Копакабана, там о нас позаботятся и вообще для волнений нет повода. Церковь, в которую мы едем, формально является христианской, хотя ее паства придерживается более синкретических религиозных взглядов и причащается древним снадобьем, известным под названием аяуска¹, вызывающим удивительные и глубокие видения.

¹ Напиток-отвар, энтеоген и галлюциноген, традиционно изготавливаемый шаманами индейских племен бассейна Амазонки и употребляемый местными жителями для «общения с духами» (манинкари) в целях получения практических знаний об окружающей природе и обретения целительных способностей. Основной компонент напитка – лиана Банистерииopsis каап. – *Прим. ред.*

Мы едем на юг. Дождь усиливается, над окружающими город холмами бьют стробоскопы² молний, после чего раздаются раскаты далекого грома. В радостном предвкушении мы с Труды едем на заднем сиденье, но все же слегка взволнованы тем, что ждет нас. Водитель не сводит глаз с дороги. Я сижу прямо за ним: у него большая голова, широкие плечи, а когда он оборачивается, я вижу умное лицо с орлиным носом, очки в железной оправе и растрепанные каштановые волосы. Рядом сидит привлекательная девушка с темными длинными кудрями и открытой бразильской улыбкой. Она оборачивается и интересуется, удобно ли нам. Мы утвердительно киваем, но не хотим ни самим себе, ни нашим спутникам признаваться в том, что немного нервничаем.

Мы покидаем широкие бульвары города, и по мере того как роскошные отели Копакабаны уступают место хаосу фавел³ на склонах холмов, сверкающих в темноте, как рождественские елки, уличных фонарей становится все меньше. Вскоре асфальтовая дорога сменяется грунтовой, изрытой гигантскими выбоинами вперемешку с лежащими на земле мрачными неподвижными собаками, между которыми медленно и аккуратно маневрирует наш водитель. Дождь кончился, но в тяжелом воздухе с листвы все еще стекают кап-

² Прибор, позволяющий быстро воспроизводить повторяющиеся яркие световые импульсы. – *Прим. ред.*

³ Трущобы в городах Бразилии, часто расположенные на склонах гор. – *Прим. ред.*

ли, а звон цикад почти заглушает музыку радиостанции, передающей незатейливый бразильский фолк. Мы останавливаемся на большой поляне, где вокруг здания с черепичной крышей беспорядочно запарковано много машин. Это простое здание, совсем не похожее на церковь (в нем нет окон и дверей), а царящая внутри атмосфера скорее напоминает городское мероприятие или собрание жителей микрорайона, чем религиозную церемонию.

На парковке и внутри здания толпятся множество мужчин, женщин и даже детей самых разных возрастов, а также вездесущих собак. Церковь освещают свисающие с потолка электрические лампочки без абажуров. Все одеты в синие и зеленые майки или рубашки, у некоторых пришиты золотые звезды. Наверняка это какая-то униформа. Наш водитель и его спутница снимают куртки, под которыми оказываются синие рубашки. В мою душу закрадываются подозрения. Такого мы не ожидали. Для меня униформа символизирует контроль, конформизм, ограничение свободы, а в данном случае она еще несет оттенок культа или секты. **Я представляю себе сенсационные газетные заголовки: «Сектанты в джунглях взяли в заложники певца и его жену».** Но с другой стороны, чувствовал бы я себя спокойнее, если бы окружающие меня люди выглядели, как укуренные маргиналы? Думаю, нет, но все равно я не в восторге от униформы.

Мы входим в ярко освещенный зал, нас встречают улыб-

ками и знакомят с людьми, которые, кажется, являются выходцами из самых разных слоев бразильского общества. Многие говорят по-английски. После короткого обмена любезностями говорю, что я – певец, а моя жена – актриса, и интересуюсь, чем занимаются они. «Мы знаем, – говорит одна женщина, – ты – очень известный человек. Мы с мужем работаем учителями».

Присутствующие на мероприятии оказались обычными людьми. Среди них были доктор, адвокат, пожарный, бухгалтер с женой, госслужащие, педагоги и программист. Ни одного наркомана. Если честно, я не знал, чего именно ожидал от этого мероприятия, но присутствие большой и дружелюбно настроенной группы людей меня обнадеживало.

«Вы в первый раз будете пить растительную настойку?» – спрашивает доктор.

Я никогда раньше не слышал, чтобы так называли то, ради чего мы сюда приехали, и предполагал, что слово «аяуаска» происходит от названия на одном из языков индейцев.

«Да, впервые».

Несколько человек понимающе улыбаются.

«Не волнуйтесь, все будет в порядке», – заверяет нас одна из учительниц.

Мы натянуто улыбаемся в ответ, стараясь подавить волнение.

В зале собралось около двухсот человек. Все расселись на пластиковые стулья с железным каркасом, расставленные во-

круг стола в центре зала. Над столом – выкрашенная синей краской деревянная арка со словами LUZ, PAZ, AMOR, выведенными ярко-желтым цветом. Моего знания португальского языка хватает, чтобы перевести: «Свет, мир, любовь». Возвращаются наши ангелы-хранители – мужчина и женщина, что привезли нас сюда, и мы усаживаемся на передние ряды. Они говорят, что обязательно помогут, если у нас возникнут сложности.

«Сложности?» – озабоченно переспрашиваю я.

Смутившись, мужчина отвечает: «Вы можете испытать некоторый физический и эмоциональный дискомфорт. Но, пожалуйста, не переживайте, и, если у вас есть какие-либо вопросы, я с удовольствием попытаюсь на них ответить».

Вокруг стола стоит пять или шесть стульев. Через боковую дверь в церковь входят несколько человек и направляются к столу. Наступает тишина. Вошедшие держатся и идут с большим достоинством. Я понимаю, что они наделены определенной властью и пользуются авторитетом. Вероятно, обстановка и драматизм ситуации искажают мое восприятие, но появившиеся в зале мужчины похожи на аскетов или мудрецов. Это – mestres, ведущие, ответственные за проведение церемонии.

Нам сообщают, что занявший место в самом центре мужчина средних лет является приезжим mestre из расположенного на севере страны города Манаус. Именно он будет проводить ритуал. У него глубоко посаженные, задумчивые гла-

за и немного лукавое, но доброе выражение лица. Взгляд такой, будто он смотрит на мир из глубины длинного темного туннеля. Такое ощущение, словно он знает какой-то занятный секрет, может рассказать интересную историю и поделиться тайной мудростью. Я заинтригован. На душе становится спокойней, когда я замечаю, как искренне он улыбается знакомым. Я вижу, что это добрый и располагающий к себе человек.

На столе стоит большой стеклянный контейнер, наполненный коричневой жидкостью. Я догадываюсь, что это и есть та самая легендарная и таинственная аяуска, о которой я так много читал.

Mestre делает знак рукой, предлагая присутствующим выстроиться в очередь в проходе. Очередь выходит длинной, она вьется как змея, уходя в дальний конец зала. Судя по всему, мы с Труди оказываемся единственными неофитами. Нас вежливо провожают в начало очереди и дают по прозрачному пластиковому стаканчику. Mestre подставляет их под небольшой кран возле дна стеклянного контейнера.

Несмотря на торжественность церемонии, священная жидкость выглядит, как отработанное машинное масло, слитое из старого двигателя. Я нюхаю содержимое стаканчика и понимаю, что пахнет это так же неприятно, как выглядит. «Неужели мы будем пить эту дрянь? – подумал я. – Мы, наверное, сошли с ума».

Я переживаю из-за возможных осложнений и стараюсь

отогнуть мысли о том, что в эту минуту мы могли бы находиться в баре нашего отеля в Кобакабана и, пританцовывая под звуки самбы, пить кайпиринья⁴. Однако назад дороги нет. Мы с женой обмениваемся взглядами, как любовники из драматического фильма, готовые прыгнуть с высокой скалы. В зале раздаются звуки произносимой на португальском языке молитвы. Мы не в состоянии повторять слова молитвы вместе со всеми, поэтому я тихо и не без доли иронии бормочу: «Да поможет нам Господь». Потом все пьют.

«Что ж, до дна, – произносит любительница черного юмора Труди. – Понеслась».

Я умудряюсь пить залпом и с содроганием глотаю все содержимое стаканчика. Вкус омерзительный, но я с облегчением замечаю, что большинство присутствующих разделяет мое мнение. Это видно по выражению лиц и по тому, как многие набрасываются на конфеты-леденцы и лимоны, которые заранее раздали участникам церемонии. По совершенно непонятным причинам (разве что из горделивого ощущения, что я справился с настойкой как настоящий мужчина) я отказываюсь от предложенной конфеты, а мудрая Труди – нет. Один из *mestres* ставит на старый проигрыватель пластинку, и в зале звучит легкая и простодушная бразильская народная музыка. Пришедшие устраиваются поудобнее

⁴ Кайпиринья (*Caipirinha*) – бразильский кисло-сладкий коктейль крепостью 25 градусов, состоящий из кашасы, лайма, тростникового сахара и колотого льда. – *Прим. ред.*

на стульях. Мы с Труди следуем их примеру, стараемся расслабиться под приятные мажорные трезвучия гитар и легкие ритмы танбура. Мы сидим и ждем, не особо представляя, что будет дальше. Я начинаю дремать, дышу медленно и осознанно, стараясь успокоиться, и иногда украдкой поглядываю на окружающих.

Думаю, волновались ли во время прохождения этой церемонии Уильям Берроуз и Аллен Гинзберг? Писатель и поэт-битник попробовали аяуаску в конце 1950-х. В то время она считалась культовым снадобьем, обязательным элементом становления нового этноса. Отвар лианы также называют словом «Айяуаска», вином души, корнем мертвых и много как еще, а история использования напитка тянется из глубины веков и неразрывно связана с религиозной философией и ритуалами индейцев бассейна Амазонки. Я читал, что аяуаску варят из двух растущих в этом регионе растений: лианы *Banisteriopsis caapi* и кустарника – растения рода психотрия под латинским названием *Psychotria viridis*. Активным компонентом снадобья является молекула, практически идентичная серотонину, а процесс ее химического воздействия на человеческий мозг сложен и мало изучен. Вскоре я узнал, что право на употребление аяуаски закреплено в бразильской конституции, отвар не вызывает зависимости, а его использование может сопровождаться глубокими переживаниями.

Я оказался в Бразилии, потому что должен дать здесь

несколько концертов, и буквально через пару дней я буду выступать перед самой большой в своей жизни аудиторией. На концерт на стадионе Магасапа в Рио продано более 200 000 билетов. Это своего рода апогей моего тура по Латинской Америке и одновременно поминки. Несколько дней назад умер мой отец, а матери не стало несколькими месяцами ранее. По ряду причин, которые я не хочу называть, я не был на их похоронах. Мне не нужно утешение в церкви. Часто пережившие боль утраты ищут покой именно там или на сеансах психоанализа. Кто-то пытается заниматься саморефлексией и размышлять в полном одиночестве. Другие прибегают к помощи медиумов и устраивают спиритические сеансы. Мне, несмотря на то что я агностик, тоже необходим обнадеживающий опыт. Я чувствую потребность провести ритуал, который поможет мне принять произошедшее, показать, что есть что-то, выходящее за рамки жизни и смерти, что-то, что имеет больший смысл, чем тот, который я могу себе представить.

Я очень тяжело пережил смерть родителей... Мне было сложно скорбеть по ним. И я был очень расстроен, но мне казалось, что я не давал выхода своим эмоциям, не реагировал на их кончину каким-то психологически естественным и понятным образом. Я не плакал, не пролил ни одной слезы. Я чувствовал себя оставленным, потерянным, сбитым с толку и холодным как лед. Однако я не был верующим человеком, и ни одна религия не годилась мне в утешители.

Из того, что я прочитал про аяуаску и трансцендентальные видения, которые она приносит, у меня возникла надежда, что если я попробую этот отвар в обстановке серьезного и ответственного ритуала, то, возможно, у меня появится более глубокое понимание родителей, а также самого себя.

Я не был большим поклонником так называемых recreational drugs, рекреационных или уличных наркотиков. Мой интерес к этим препаратам был коротким и весьма поверхностным. И все же информация о свойствах аяуаски убеждала, что этот отвар позволяет получить впечатляющий опыт, способный изменить жизнь человека. Я чувствовал, что готов к тому, чтобы сделать этот шаг. Если этот опыт окажется для меня опасным с психологической или какой-либо другой точки зрения, то я могу сказать себе, что был достаточно взрослым человеком, чтобы пойти на риск, точно так же, как если бы решился покорить гору или сесть на мотоцикл. Во время разговоров с опытными дегустаторами аяуаски меня удивил тот факт, что они называют препарат не наркотиком, а медицинским средством. «Наркотик, – сказал один из таких людей, – мгновенно дает тебе награду – ощущение удовлетворения, будь то сигарета, алкоголь, кокаин или героин, но потом ты расплачиваешься головной болью, похмельем на следующий день или хуже – зависимостью. Выкури большое количество сигарет, и ты умрешь. Препараты традиционной медицины не дают тебе чувство

моментального удовлетворения. В конце концов ты можешь остаться довольным результатом, но сперва тебе придется за это заплатить. Аяуска является именно таким медицинским средством».

Я понятия не имел, что он имел в виду, но вскоре мне предстояло это узнать.

Прошло примерно двадцать минут. Музыка продолжает играть. Стул главного *mestre* церемонии не пустует ни минуты. Если он выходит из зала, то кто-то из помощников обязательно занимает его место. Во всем чувствуется убаюкивающее следование правилам, давно заведенному порядку и ритуалу.

Первым звоночком действия снадобья становится появившийся в голове высокочастотный звук, похожий на свист, которым зовут собаку. Кроме того, я чувствую, как все сильнее немеют губы и ощутимо падает температура тела. Меня начинает знобить, сначала не так ощутимо, но потом все сильнее и сильнее. Ощущение холода разливается от ступней, волнами поднимается по ногам, и вот я уже весь трясусь. Не понимаю, что со мной происходит: то ли это естественная реакция организма, то ли мне просто холодно. Голова достаточно ясна, чтобы не поддаваться панике и стараться ровно дышать, но потом к горлу подступает тошнота, которая постепенно распространяется и на область живота. Кажется, внутри меня извивается змея, пытаюсь вырваться наружу. Неимоверно хочется, чтобы меня вырвало, и я крепче

впиваюсь пальцами в подлокотники стула и стараюсь дышать как можно глубже.

Внутри тела, по каждому сосуду и артерии, по ногам до самых пальцев и вдоль сухожилий рук движется что-то безжалостное и мощное. В пальцы рук хлынула энергия инопланетянина. Омерзительное послевкусие во рту кажется материальным воплощением страха, и я понимаю, что овладевшая мной химическая сущность гораздо сильнее меня самого. Во мне нарастает настоящая буря, а на улице снова раздастся гром, раскатистое и зловещее предупреждение небес. Я поворачиваюсь к Трудю. Видимо, она уснула, но я вижу, как под закрытыми веками в разные стороны дергаются глазные яблоки, а брови нахмурены, словно она о чем-то задумалась. «Да поможет нам Господь», – шепчу я, и на этот раз в моих словах нет ни капли иронии.

Кажется, что все присутствующие в зале находятся в точно таком же состоянии внутренней борьбы. Кто-то извивается на стуле, кто-то сдался и сидит, открыв рот, словно труп, некоторые кажутся спокойными и поглощенными галлюцинациями. Затем контрапунктом грому на зал обрушиваются звуки рвоты и рыганий.

Меня предупреждали, что это часть общего процесса, но ничто не способно подготовить к печальным звукам горестной и яростной музыки унижительного физического страдания. Я едва сдерживаюсь и вижу, как многие вскочили со стульев и бросились к выходу. Некоторые добегают до выхо-

да из зала, некоторые – нет. На полу стоят ведра с опилками, которыми можно присыпать лужи желчи.

Пожалуйста, дайте пройти, я не хочу, чтобы меня здесь вырвало, я не хочу оказаться в таком неловком положении, дайте мне пройти.

Наши *mestres* спокойно сидят за столом в центре комнаты, словно все происходящее вокруг них является обычным делом. Они тоже испили отвара, и, хочу заметить, в бóльших дозах, чем остальные, однако у них нет рвоты и дискомфорта.

Стоя у окна, одна несчастная душа, как мне кажется, изгоняет страшных демонов из внутренностей своего личного ада. Я затыкаю уши, стараюсь делать глубокие вдохи, но понимаю, что надолго меня не хватит. Я уже не дрожу, поселившаяся в животе анаконда яростно рвется наружу. На лбу и на груди появляются капельки пота, а глаза закатываются.

Неужели я по собственной воле пошел на этот эксперимент? Похоже, я спятил. Никогда в жизни я не чувствовал себя так плохо и настолько испуганным... Раздается очередной раскат грома, мне становится еще хуже, и вот, когда кажется, что у меня уже нет больше сил сдерживать этот натиск, я слышу божественный, прекрасный голос *mestre* из города Манаус. Этот голос парит во влажном воздухе, наполняя зал сладким ароматом мелодии. Я закрываю глаза, чтобы мне было легче испить бальзам этой песни, и понимаю, что перенесся в огромный храм света.

Эта песня стала светом и цветом, обрела форму фантастической архитектуры Данте и Блейка, и я чувствую, что вишу под потолком, изогнутом куполом небосвода серафимов. Видения приобретают формы удивительных вращающихся геометрических структур: башен, туннелей, воронок и камер. Ясность и электрическая насыщенность видений кажется настолько чуждой обыденной жизни, что возникает ощущение, будто это вообще иная реальность. Но когда я открываю глаза, то возвращаюсь в зал, в котором не вижу ничего необычного. При этом все, что я вижу, – это не иллюзия. Реальность предстает такой, какая она есть, но цвета и видения раскрываются отдельной реальностью, проецируемой на внутреннюю сторону моих век. Закрываешь глаза и попадаешь в другой мир, кажущийся таким же реальным, как и любой другой, в мир, в котором звук превращается в цвет, цвет – в геометрические фигуры, а те активируют воспоминания, истории и чувства не только из твоей собственной жизни, но, каким бы странным это ни показалось, из жизней других людей. Либо я вижу сны наяву, либо просто умер.

Я лечу в бомбардировщике над горящим под крылом ночным городом. А вот я в лодке под парусом на широких просторах серого моря. Или участвую в сражении, и гром в джунглях отозвался грохотом разрыва снарядов. Я скрючился в глубокой и грязной траншее, видя краем глаза чью-то тень. Назовем этого человека «спутником». В этом видении присутствуют и другие люди. Земля содрогается от близких

разрывов снарядов. Рядом со мной в этом туннеле испуганные и дрожащие юнцы в мешковатой военной форме и касках, забрызганных грязью. Мне так жутко, что я боюсь повернуть голову.

Неожиданно я оказываюсь в городе на севере Англии, в котором провел детские годы. Я – маленький мальчик, смотрящий на вырезанный в камне список сотен фамилий и имен. Надо мной – два вылитых из бронзы солдата-часовых, покрытых патиной, торжественно склонивших головы над прикладами перевернутых винтовок. Детской рукой я прикасаюсь к холодной ноге статуи.

Слышатся раскаты грома, и я снова оказываюсь в траншее рядом с моим спутником. Я вижу, как вдоль бруствера⁵ траншеи выстраивается робкая цепь. Кто-то заходится в приступе кашля. У меня предчувствие, что, как только арт-обстрел закончится, мой спутник, которого я смутно вижу, даст команду вылезать из укрытия. Ощущаю во рту горький вкус страха, такой же едкий и коричневый, как выпитое зелье. Арт-обстрел подходит к концу. Все лица поворачиваются в сторону моего спутника, которого я едва вижу.

Издали доносится свист. Быть может, это крик ночной тропической птицы в джунглях. Свист все ближе и ближе, словно по цепочке. Mestre в зале все еще поет свою чудесную

⁵ Насыпь в фортификационном сооружении, предназначенная для удобной стрельбы, защиты от пуль и снарядов, а также для укрытия от наблюдения противника. – *Прим. ред.*

песню с редкими вкраплениями атональности, звучащей на четверть тона ниже, отчего мелодия начинает казаться тревожной и неземной. Я чувствую, как спутник зажал свисток в кулаке и застыл, как медная статуя.

«Свисти в гребаный свисток, сержант!» – слышу я чей-то разъяренный голос. Потом чуть дальше от нас в цепи раздаются такие же недовольные голоса.

«Давай, сержант, что за хрень, не тяни!» – кричат солдаты. Такое ощущение, что им не терпится убивать и быть убитыми. При этом мне кажется, что многие из них слишком боятся прослыть трусами, у которых кишка тонка встать в полный рост и пересечь старую как мир черту жестокости и убийства.

«Ты будешь свистеть?!»

Но он не свистит, и я слышу звуки несущих смерть пулеметных очередей над головой. Я слышу крики раненых и умирающих. Но спутник не свистит, не дает приказа, и мы остаемся в относительной безопасности в траншее. Местре выдерживает длинную ноту, которая зависает, как сигнальная ракета в небе. Смертельный бой наверху продолжается.

Я злюсь и ничего не понимаю. Какое отношение все это имеет ко мне? Это какой-то виртуальный театр, эксперимент с реальностью, кошмар наяву, от которого я не в состоянии избавиться. Совершенно очевидно, что окружающие меня люди находятся в смертельной опасности. Их ужас кажется до боли реальным. При этом у меня складывается неприят-

ное впечатление, что я сам являюсь причиной этого клаустрофобного кошмара, потому что брошен в пучину собственных подсознательных страхов. Сам же я не пострадаю, кажется, я просто прохожу какое-то странное испытание.

Голова кругом от такого количества вопросов. Я настолько поражен четкостью и ясностью видений, что не в состоянии произнести ни слова и не могу вырваться из этой, будто чужой, реальности. За видениями стоят мысли, они наблюдают и комментируют, а за ними – другие, более глубокие уровни абстракции, также комментирующие происходящее, и так далее до бесконечности. Если обычная трезвая мысль способна успокоить, дать выйти из оков воображаемой или реальной угрозы, то сейчас такая установка только усиливает чувство ужаса от неспособности отдавать себе отчет во всем, что делаешь, от ощущения, что объективная реальность является исключительно умозрительной конструкцией. Помому, все это очень напоминает умопомешательство.

При таких раскладах я вынужден поставить под сомнение основы своего привилегированного и утонченного существования, своей жизни в мире друзей, коллег и близких. Неужели то, что мы называем реальностью, является всего лишь нашей совместной договоренностью о том, что можно считать реальностью, а что – нет? Я могу дрожать от холода в церкви посреди джунглей вместе с двумя сотнями других людей, а также одновременно трястись от страха в темной траншее. Именно так, как мне кажется, и чувствует себя тот,

кто близок к смерти: сбитым с толку, ничего не понимающим и в состоянии ужаса.

У людей, как и у других живых существ, смерть заложена в ДНК. Но, вероятно, только человеку ведомо, что смерть неизбежна. Так как нам научиться умирать без страха, умирать храбро, с достоинством и чувством принятия неизбежного? И почему мы живем в страхе смерти, если понимаем, что она неотвратима? И насколько были готовы к смерти мои родители, когда она за ними пришла? Насколько буду готов я, когда настанет мой час? Подозреваю, что они не были готовы, та же участь ждет и меня. Вот почему я оказался в этой жуткой траншее. Для того, чтобы чему-то научиться.

У меня ни разу в жизни не было ни одного по-настоящему глубокого религиозного переживания. Я констатирую это не без некоторого сожаления. Да, я говорил и думал о смерти, но сметающее все на своем пути, кардинально меняющее отношение к жизни озарение годами оставалось уделом других людей. Возможно, они лучше меня понимали феномен смерти благодаря молитвам, медитации, посту или потому что оказались предельно близко к смерти. В религиозной литературе описано множество подобных озарений. У меня нет оснований ставить под сомнение правдивость этих переживаний, но мне кажется, что в реальной жизни подобных примеров не так уж много. На каждую мать Терезу, на каждого пророка Иезекииля или поэта Уильяма Блейка приходятся миллионы таких людей, как я, которые не имеют личного

опыта осознания трансцендентного, чего-то вечного, мистери-
рии, являющейся основой любой религиозной мысли. А вот
аяуаска дала мне возможность понять что-то страшное, глу-
бокое и очень серьезное.

Я так и не смог полностью принять идею реинкарнации.
На своем жизненном пути я встретил слишком много тех,
кто в прошлой жизни был Клеопатрой и Карлом I, для то-
го чтобы всерьез относиться к представлению о том, что эго
способно пережить смерть. При этом я уверен, что смертель-
ный бой или какое-либо другое сильное, травмирующее ду-
шу событие оставляет след на том, что Карл Юнг называл
«коллективным бессознательным». 1 июля 1916 года во вре-
мя начала битвы на Сомме англичане потеряли пятьдесят
тысяч солдат убитыми и ранеными только в первой полови-
не того ужасного дня. Или, может, я в школе читал слишком
много стихов Уилфреда Оуэна, или был наказан за то, что
в детстве на меня произвел слишком большое впечатление
памятник погибшим во время Первой мировой войны, воз-
веденный в моем родном городе? У меня нет ответов на во-
просы, которые крутятся в моей голове. Калейдоскоп цветов,
фрактальная геометрия и странные видения продолжаютс.

И вот сейчас я являюсь невидимым свидетелем военного
трибунала. Спутник стоит между двумя охранниками, и его
допрашивают, применяя слова и отточенные юридические
формулировки, которые я, возможно, когда-то слышал или
видел в кино. Спутник безучастно выслушивает приговор.

Я поворачиваю голову и оказываюсь в холодном сером поле. Встает солнце. Перед нами выстроилась шеренга солдат. Солдаты молчат, видно, что некоторые явно недовольны тем, что их вытащили на холод в такую рань, нервно переступают с ноги на ногу, словно лошади, и в воздухе видны клубы пара от их дыхания. Я вглядываюсь в их лица и вижу, что это те же самые ребята из траншеи. Раздается приказ, они поднимают винтовки и целятся. Я понимаю, что эти парни сейчас убьют того, кто их спас, и вздрагиваю. Этот момент застывает во времени, как изображение на картине.

Льется грустная и тоскливая песня *mestre*. На моих глазах проступают слезы, я плачу, сперва беззвучно, потом теряю над собой контроль, и рыдания сотрясают меня. Глаза краснеют от соли, и все поле зрения заполняет кроваво-красный цвет.

Проходит еще какое-то время. Я оказываюсь в животе моей матери, а песня *mestre* превращается в голос отца. Почему такая несправедливость, такое предательство, такая неизбежная грусть заставили меня вспомнить о моем далеком отце и моей красавице-матери?

Они поженились, как только отец демобилизовался из армии. Мама была тогда совсем молодой, невероятно красивой. Со временем она сильно сдала и умерла от рака груди в возрасте пятидесяти трех лет. Отца не стало спустя несколько месяцев, ему было пятьдесят семь. Мать обожала меня. Наш разговор с отцом еще не закончен, мы не во всем разо-

брались. Вот почему мы снова вместе в этом странном туннеле памяти. Я, как всегда, окружен призраками.

Моя мать была худой и очень красивой. У нее были зеленые глаза и длинные светлые волосы, красивые и стройные ноги. Мама носила короткие юбки и остроносые туфли на шпильках. Не без гордости, смешанной со смущением, я вспоминаю, как мужчины на улице свистели ей вслед, но, когда мама поворачивалась и смотрела на них ледяным взглядом, делали вид, что это были не они. Она была гордой, и ей было сложно угодить. Мама бросила школу, когда ей было пятнадцать, и начала работать парикмахером, вела себя заносчиво и была преисполнена чувства собственного достоинства и исключительности. Люди перешептывались о ней, когда она проходила мимо, но мама считала, что была не такой как все, или не хотела быть такой. Ее звали Одри. До знакомства с отцом она успела сходить всего лишь на несколько свиданий. Он был ее первой любовью.

Мое самое раннее воспоминание о матери совпадает с самым ранним музыкальным впечатлением. Помню, как она играла на пианино, а я сидел на полу, наблюдая, как она нажимала педали. Она любила играть танго. Я поражался тому, как мама умела превращать в музыку закорючки на нотном листе. У нее было врожденное чувство стиля, что создавало вокруг мамы ореол гламура.

Я также помню, как мама играла на пианино в гостиной моего деда, а отец, который был неплохим тенором, испол-

нял жалобную версию вальса Хадди Ледбеттера⁶ Goodnight Irene:

Last Saturday night I got married
Me and my wife settled down
Now this Saturday we have parted
I'm taking a trip downtown.

В прошлую субботу мы поженились,
Стали жить-поживать с женой.
А в эту субботу мы расстались,
Пойду-ка по центру пройдуся.

Отцу нравились биг-бэнды Dorsey Brothers и Бенни Гудмена. Рок-н-ролл в наш дом принесла мама. Это были пластинки на 78 оборотов из черного ацетата с яркими логотипами студий MGM, RCA и Decca. Little Richard исступленно визжал Tutti Frutti, Джерри Ли выбивал на пианино ритм Great Balls of Fire, словно сумасшедший евангелист, а Элвис томно напевал All Shook Up – песню с сильным сексуальным подтекстом, как я выяснил позже. Я приходил от них в восторг, впадал в состояние такой сильной эйфории, что катался по полу, дергаясь и трясясь, будто в религиозном экстазе. Мама принесла домой альбомы Роджерса и Хаммер-

⁶ Хадди Уильям Ледбеттер, известный также как Ледбелли или Лед Белли, англ. Leadbelly, Lead Belly, 1888–1949, американский певец, композитор-песенник, гитарист, легендарный исполнитель блюзов. – *Прим. пер.*

стайна⁷ с бродвейских шоу «Оклахома!», «Карусель», «Юг Тихого океана», «Король и я» и «Звуки музыки», мюзикла «Моя прекрасная леди» Алана Джей Лернера и Фредерика Лоу, а также «Вестсайдскую историю» Леонарда Бернстайна. Я заиграл все эти пластинки до дыр и влюбился в процесс вынимания диска сначала из потертого конверта-обложки, а потом из внутреннего конверта из белой бумаги, сдувания с пластинки пыли и, наконец, аккуратной установки на вертушку.

В музыкальном смысле я был всеяден и слушал все, что предлагали, с вниманием и любопытством неофита. Позже, когда я учился музыке, я играл пластинки с 33 оборотами в минуту и слышал, как раскрываются басовые партии, извлеченные из недр аранжировки на октаву выше, а быстро сыгранные на пластинках в 45 оборотов отрывки на верхних октавах, наоборот, играл на 33-й скорости, чтобы выучить их на более низкой скорости проигрывания. «Вертушка» научила меня тому, что любой, даже самый сложный материал можно замедлить до тех пор, пока все не станет четко слышно, после чего разучить партии. Простое механическое устройство вертушки предоставляет такую возможность. Я слушал скрип иголки, звучащий до вступительных нот увертюры «Оклахома!», или первые аккорды *Singin' in*

⁷ Композитор Ричард Роджерс (1902–1979) и поэт-песенник Оскар Хаммерстайн II (1895–1960) (часто их вместе называли просто Роджерс и Хаммерстайн. – *Прим. пер.*

the Rain Джина Келли, ощущая одинаковое упоение как от музыки, так и от завораживающе медленного движения за-висшей над диском механической руки.

Мы жили в промозглом викторианском доме без центрального отопления. Мама научила меня разжигать камин в гостиной, который и был единственным источником тепла во всем доме. Мы начинали со свернутых в трубочку больших листов Evening Chronicle, сложенных по диагонали в длинные конусы, которые мы потом сжимали, как меха гармони, чтобы они медленней горели. Клади в камин картонки из-под яиц, мелкие щепки для розжига и только потом, на самый верх, уголь, словно бесценное сокровище.

Коробок спичек хранился на полке над камином рядом с часами. Мне семь лет, и, встав на цыпочки, я могу до него дотянуться.

«Мам, можно поджечь? Я умею! Мам, пожалуйста!» – умоляю я мать, стараясь показать ей, что я уже достаточно большой, чтобы взять на себя эту ответственность.

«Ты можешь зажечь камин, сынок, только не оставляй спички так, чтобы их мог достать твой младший брат, хорошо? Клади их на самый верх, повыше».

Мне ужасно нравится ее выражение «самый верх, повыше».

«И поджигай снизу, а не сверху».

«Да, мам».

«Загорится, только когда поджигаешь снизу, и поэтому

мы и соорудили такую конструкцию. Уголь загорится только после щепок, а щепки – только после бумаги».

«Да, мам», – повторяю я, не с первой попытки достаю спичку из коробка и поджигаю Evening Chronicle.

«Очень хорошо, – с гордостью произносит она. – А теперь помоги мне прибраться, а то тут настоящая чертова свиноферма». Я не очень представлял себе, какой порядок творится на свиноферме, однако именно этим сравнением мама описывала бардак и хаос, царившие после игр моего разболтанного младшего брата, поэтому в целом я понимал, что она имеет в виду.

«Я устрою свинг этому туда его сюда», – обычно говорила в таких случаях мама.

Со временем она научила меня возвращать огонь, когда он затухал. Для этого понадобится кочерга. Мама предупреждала, что все, что находится вблизи огня, может загореться. Она научила меня тушить огонь на ночь, перекрывая приток кислорода, чтобы снова разжечь угли на следующее утро.

Будучи ребенком, я мог весь день наблюдать за огнем. Я и по сей день могу это делать, глядя, как рушатся башни, древние тлеющие царства и огромные соборы, да что там говорить – целые материи горящих углей. Мама научила меня этому волшебству, которым я по-прежнему владею. Она научила меня гладить рубашку, делать яичницу, пылесосить – в общем, делать все необходимое, чтобы поддерживать в доме чистоту и порядок, но музыка и огонь были теми сакраль-

ными знаниями, которые привязали меня к ней, как ученика к магу. **Моя мама была первой хозяйкой моего воображения.**

Семья матери жила в городе Уолсенд. Мой дед по матери был в этом городе заметным человеком. Высокий, очень красивый и слишком элегантный, чтобы о нем не перешептывались в этом небольшом городке. К тому же дед был приезжим – родился не в Уолсенде, а на острове Мэн. В моих воспоминаниях он окутан ореолом романтики и опасности. На фотографии, сделанной в день свадьбы моих родителей, он запечатлен с вопросительно и насмешливо поднятой бровью, высокомерным и знающим взглядом, а также видом мужчины, которого любят женщины. Он уделял мне мало времени и работал страховым агентом компании Sun Life of Canada. Ездил дедушка на машине, которую люди в то время называли «пижонской». Я прекрасно помню его Rover с подножками и яркими хромированными фарами на штырях. Для меня он был далеким и загадочным человеком, но мать его боготворила.

Мое единственное воспоминание о бабушке по матери является слегка пугающим. Я помню ее вставную челюсть в стакане на тумбочке рядом с кроватью, полный рот страшных, оскалившихся на меня зубов. Мне говорили, что бабушка меня обожала, но я ее не помню. Ее звали Маргарет, и она умерла, оставшись в моей памяти всего лишь тенью.

Когда я родился, моему отцу было двадцать четыре

года. В таком возрасте я сам в первый раз стал отцом. Отец служил в инженерных войсках в Германии. На фотографиях той поры он изображен в форме темно-оливкового цвета, под одну руку его держит улыбающаяся фройляйн, в другой руке – стакан с пивом. Я любил рассматривать фотографии, на которых отец казался счастливее, чем тот человек, которого я помню. Я вглядывался в его темные глаза, пытаюсь увидеть в них самого себя или намек на то, что я когда-нибудь появлюсь на этот свет. Меня пугала мысль о том, что большую часть жизни отец прожил без меня. Мне кажется, что он был очень счастлив в Германии, и в своих разговорах неоднократно давал понять, что так оно и было. Отец периодически заявлял, что «оккупировал» Германию, хотя был слишком молод во время войны. Возможно, он имел в виду то, что гулять с немками было гораздо приятнее, чем воевать с их народом. Мой отец ни в коем случае не был хвастуном, просто хотел, чтобы мы гордились тем, что он служил родине, повидал мир и заслужил статус настоящего мужчины.

«Видишь полоску на рукаве, сын? Я был капралом в инженерных войсках. Мы строили мосты, взрывали их, а потом снова строили. Мне надо было остаться в армии».

Выпив пинту-другую пива, он пускался в воспоминания о тех беззаботных деньках, словно говорил о золотом веке, которому наши времена и в подметки не годятся. В этих разговорах всегда подспудно «фонило» невысказанное напря-

мую обвинение в том, что все мы, в особенности мать, виноваты в том, что он живет так, как сейчас. Лишь гораздо позднее, когда все пошло наперекосяк, отец признавался в том, как сильно тогда мама его любила. Как она ждала, когда он вернется с работы, и обнимала, как только он входил в дом. До самой смерти разочарование было одной из любимых тем монологов отца. Он родился в портовом городе Сандерленд в сентябре 1927 год. Отца называли Эрнстом в честь бабушки по материнской линии. Наверняка имена имели большое значение при знакомстве отца с матерью. Я представляю себе, как мать, вернувшись домой после субботних танцев, рассказала своей сестре Марион о том, что познакомилась с молодым красивым мужчиной, и спросила: «И ты представляешь, как его зовут?»

Отец вырос в католической семье, а родители матери принадлежали к англиканской церкви. В то время церковное руководство не особо жаловало межконфессиональные браки, хотя за поколение до этого все было еще хуже – подобные браки приводили к большим проблемам. Мой прадед Том не послушался своего протестанта-отца и женился на моей бабушке ирландке Агнес Уайт. Агнес в четырнадцать лет бросила школу и пошла прислуживать в «большой дом», и поскольку она происходила из семьи ирландского портового грузчика в доках Сандерленда, то считалась не четой моему деду, который был выше ее по социальному статусу. Агнес выросла в типично ирландской семье с десятью братья-

ми и сестрами (она была предпоследним ребенком у своих родителей). Агнес была необыкновенно умной, красивой и набожной. Представляю, что пришлось пережить моему деду из семьи протестантов, когда он стал католиком. Том любил жить тихо и мирно, а Агнес всегда добивалась того, чего хотела.

Чтобы жениться на красавице Агнес, моему деду пришлось отказаться от своей доли наследства. Мужчины рода Самнер на протяжении многих поколений были связаны с морем, и в XIX веке в семье было даже два капитана торговых кораблей, но, если честно, я не думаю, что наследство было большим. Мне кажется, что все эти разговоры о нашем «семейном богатстве», созданном на торговом флоте, были слегка преувеличены. Было совершенно очевидно, что дед любил свою жену, но при этом на протяжении всей его жизни (как и всей жизни моего собственного отца) присутствовало невысказанное, подспудное ощущение, что дед пожертвовал в прошлом чем-то несоизмеримо большим, чем имел в настоящем. Он попался в ловушку брака и семьи, из которой уже было не выбраться.

Мой дед Том стал корабельным плотником и работал в доках на реке Уир, на которых строили танкеры и военные корабли. У него с Агнес родилось шестеро детей: две девочки и четыре мальчика, мой отец был самым старшим из них. В результате второй беременности Агнес родила двойню (о чем она узнала только во время родов), но выжил только один

ребенок. Спустя много лет Агнес рассказывала моей сестре, что молила Господа, чтобы Он взял одного из детей, не будучи уверенной, что сможет прокормить двоих. Судя по всему, Господь услышал ее молитву. Выживший из близнецов Гордон оказался еще тем живчиком. Отец рассказывал мне, что Гордон был любителем нарываться на неприятности. Его любимым занятием было лечь между рельсами, чтобы над ним проехал груженный углем поезд. Видимо, Гордон считал себя бессмертным. Дядя Гордон еще до моего рождения иммигрировал в Австралию и стал профессиональным поисковиком ископаемых в пустынях в районе горного хребта Дарлинг. Меня называли в его честь.

Католицизм моей бабушки был не просто частью ее духовного мира, но и активно влиял на жизнь всей семьи. Она нанялась экономкой к отцу Томсону, которого при мне всегда называла отцом Джимом. Этот добродушный человек всегда был для меня членом семьи. Святой отец будто сошел со страниц романа П. Г. Вудхауса: говорил с акцентом представителей высшего класса, был интеллектуалом без царя в голове, появлялся в доме деда и бабушки в сутане, биретте⁸, белом воротничке и очках, словно Иисус, и ходил в сандалиях (правда, надетых на черные носки). Агнес была просто без ума от отца Джима. Церковный сан, невиданная начи-

⁸ Итал. berretta от лат. *birretum*, традиционный головной убор священников латинского обряда, представляющий собой четырёхугольную шапку с тремя или четырьмя гребнями наверху, увенчанными помпоном посередине). – *Прим. пер.*

танность отца Джима и птичий язык представителя высшего класса ударили в голову простой ирландке из Сандерленда. Между ними не было никакой сексуальной связи, но Агнес только и говорила «отец Джим сделал это» и «отец Джим сделал то», и бедный Том лишь только изредка мог вставить слово. Обычно он сидел в углу, наигрывал мелодии старых шлягеров на своей мандолине, задумчиво глядя в никуда и тихо напевая песню без слов.

К тому времени, когда я появился на свет в октябре 1951 г., бабушка с дедом переехали в Ньюкасл, где отец Джим получил должность пастора в женском монастыре Доброго Пастыря, расположенном в северо-восточной части города. Проживавшие в монастыре монахини вели обучение и отвечали за школу сбившихся с пути девушек, а еще работали в прачечной, в которой стирали алтарные покрывала и постельное белье священников. Мне не разрешали подходить к заблудшим девам. Мой дед выполнял функции истопника и топил углем печь, расположенную в подвале монастыря, а также на микроавтобусе забирал грязное белье и возвращал его белоснежным. Он крутил самокрутки, ходил в старом джинсовом комбинезоне и черном армейском берете. Дед был очень лаконичен. Есть семейная история, как однажды за обедом отец Джим начал размышлять вслух, о чем расскажет на проповеди в это воскресенье.

«Около пяти минут»⁹, – тихо произнес дед и заслужил

⁹ Шутка, которая теряется в переводе: ... what his Sunday sermon should be about

за это испепеляющий взгляд жены и недоумевающий взгляд священника. Мой дед был колоритным персонажем. Меня удивляла его способность долго молчать, а также волосы, росшие из носа и огромных ушей, которые становились все больше, по мере того как его тело постепенно усыхало.

Дед с бабушкой жили в двухэтажном доме на территории монастыря (отец Джим у них столовался). Рядом с домом стоял другой, в котором жила семья Дули, отвечавшая за монастырскую ферму. Старик Дули отводил меня в свинарник, чтобы показать, как кормят свиней, пугая историями о том, что огромные свиньи перекусывают детей пополам просто потому, что могут это сделать. К тому же мне говорили, что свиньи – такие же умные и злые, как люди, поэтому я всегда держался от этих животных подальше. Старик Дули и сейчас стоит у меня перед глазами в подвернутых резиновых сапогах, с цыганской косынкой и с широким пиратским ремнем. Мне тогда казалось, что войти в загон для свиней – это все равно что приставить к виску заряженный пистолет.

Агнес не жаловала семью Дули. Она стремилась к тонкому и возвышенному, а они были грязными и грубыми. Каждый день она решала самый сложный кроссворд в *Times* и выписывала журнал *Reader's Digest*, в котором печатали безбожно сокращенные варианты разных литературных произведений. Агнес говорила, что не смогла получить нормальное обра-

одновременно и в зависимости от контекста значит «о чем будет его воскресная проповедь» и «как долго продлится его воскресная проповедь»). – *Прим. пер.*

зование, поэтому таким образом ей приходится восполнять пробелы. Она очень любила книги и привила эту любовь и мне.

Агнес держала свои книги на полках, которые тянулись от пола до потолка в нише у камина. Она много часов проводила в кресле с очками для чтения в черепаховой оправе на носу и с книгой в руке. Агнес никогда не выбрасывала прочитанные книги. В семь лет она дала мне почитать «Остров сокровищ» Роберта Стивенсона. И хотя многих вещей я не понимал, книга была прочитана с упорством и фанатизмом, с которым позднее я занимался бегом. Не могу назвать это очень эффективным и умным подходом, но в жизни он мне сильно помог. Например, во время занятий музыкой. Агнес заставила меня прочитать «Жития святых», которые меня не очень впечатлили.

Агнес часто говорила мне, что если у меня и есть хоть немного ума, то это передалось исключительно от нее. Во многом благодаря бабушке я начал считать себя умным.

Моя семья жила в двухэтажном доме рядом с верфью компании Swan Hunter в Уолсенде. Мать родилась и выросла на побережье реки Тайн между городом Ньюкасл-апон-Тайн и Северным морем. В районе Уолсенда император Адриан решил закончить свою стену¹⁰, когда в 122 году нашей эры

¹⁰ У англосаксов принято название «стена Адриана», в русских источниках ис-

посещал эти северные задворки своей огромной империи. Стена Адриана протянулась на сто двадцать километров через холмы и болота от города Барроу-ин-Фёрнесс на западе до реки Тайн на востоке. Многие считают, стена служила защитным сооружением от набегов кельтских племен: скоттов и пиктов, – но на самом деле ее возвели для контроля за торговлей между севером и югом, а также за населением, проживавшим на территориях, которые позднее назовут Северной Англией. В Уолсенде располагалась древнеримская крепость Segedunum. Легионерам гарнизона крепости наверняка казалось, что они очутились на самом краю земли. Полагаю, если бы мне довелось быть в этих краях легионером в короткой кожаной юбке, я думал бы точно так же. В начале XX века в Уолсенде расширяли верфь и раскопали остатки храма богу света Митрасу, считавшемуся покровителем римских солдат, а буквально несколько лет назад, когда разрывали улицу, на которой я рос, под брусчаткой обнаружили остатки римского лагеря.

После того как приблизительно в 400 году нашей эры легионеры ушли из этих краев, начался период набегов саксов, датчан, викингов, норманнов, ютов и шотландцев. В этих местах правили самые разные племена и группировки, и местные жители начали считать, что они не являются ни англи-

пользуют слово «вал». А Уолсенд (англ. Wallsend) переводится как «конец стены». – *Прим. пер.*

чанами, ни шотландцами. Мы называли себя «джорджи»¹¹. Почему именно так? Местные историки до сих пор спорят на эту тему, тогда как все остальные перестали ломать голову и просто называют себя именно так. Жители этого края говорят на диалекте, который нездешние англичане могут не очень хорошо понимать.

В свое время на реке Тайн строили огромные корабли. Здесь для компании-оператора трансатлантических и круизных маршрутов Cunard Line было построено судно «Мавритания» (Mauretania), поставившее в свое время рекорд по скорости пересечения Атлантического океана. Подобное «Мавритании» судно Lusitania потопила германская подлодка в начале Первой мировой войны, что заставило США вступить в конфликт на стороне Англии. Уже на моей памяти там строили крупнейший на тот момент танкер *Essa Narthumbria*. Верфи, на которых строили это судно, располагались в конце нашей улицы. Корабль долго стоял, закрывая своим корпусом половину неба, но, оказавшись на воде, он больше никогда уже не появлялся в наших краях.

В величественном виде верфи с огромными скелетами кораблей и маленькими, как муравьи, рабочими в люльках, свисающих с бортов судов, было что-то доисторическое. Неестественно медленнодвигающиеся над суетой людей и вспышками ацетиленового пламени стрелы кранов напоми-

¹¹ Собирательное название жителей области Тайнсайд и северо-восточной части Англии). – *Прим. пер.*

нали мастодонтов ушедших эпох.

Каждое утро в 7:00 раздавался одинокий вой сирены, призывавший рабочих к реке, и сотни мужчин в комбинезонах, грубых ботинках и кепках шли по моей улице. За спиной у многих был рюкзак со «жрачкой» – бутербродами и термосом. Казалось, что все те, кто не работал на Swan Hunter, трудились на заводе по изготовлению веревок и в угольных шахтах. Я смотрел на рабочих и размышлял, какая профессия ждет меня. Суждено ли мне присоединиться к армии этих мужчин и провести полжизни в чреве огромных судов?

Утром по воскресеньям отец часто водил меня с братом на пристань, чтобы посмотреть на корабли. Мы глазели на норвежский корабль Leda, каждую неделю ходивший между Осло и Ньюкаслем по маршруту, которым сюда когда-то приплывали викинги. Помню, как отец мечтательно смотрел на рулевую рубку и канаты, которыми корабль был привязан к специальным тумбам на пристани. «Уходи в море!» – часто говорил мне он, но теперь я понимаю, что он обращался тогда главным образом к самому себе, сожалея, что в молодости не стал моряком.

В армии отец получил кое-какие технические навыки и после окончания службы прошел практику на машиностроительном заводе De la Rue, где собирали огромные турбины и двигатели для кораблей. Наша семья не была богатой, но отец получал достаточно, чтобы мама могла бросить работу и заниматься мной.

Мой брат Фил появился на свет через три года после моего рождения. Тогда же отец принял решение, о котором потом сожалел всю оставшуюся жизнь.

В 1956 году, когда мне было пять лет, отец решил уйти с завода и заняться продажей молока. Этим бизнесом владел приятель дедушки Эрнста по имени Томми Клоус, ухаживавший на пенсию и ищущий того, кто мог бы продолжить его дело. Отца привлекло, что он будет предоставлен самому себе, а его семья сможет переехать в двухэтажный просторный дом. Позже на первом этаже расположились контора и молочный магазин. Наша семья разрасталась: Филипу шел второй год, на подходе была Анжела.

На первом этаже дома располагался магазин, в котором продавались молоко, свежее мороженое, сладости, лимонад, газированные напитки, Orange Crush. В магазине работали две продавщицы: Бетти – пухлая истеричная молодая особа с бойфрендом в виде начинающего преступника и тедди-боя, который, по слухам, ее бил, и Нэнси – рыжеволосая развязная девушка, со временем ставшая близкой подругой и отчасти соратницей матери. Во внутреннем дворе стояли пара тележек и дизельный грузовик, необходимые для привоза свежего молока.

В городе появилось три маршрута доставки, которые обслуживают отец и два других молочника, Рэй и его младший брат Билли. Рэй – карлик-похабник с волосами, зализанны-

ми назад бриллиантином. При каждом удобном случае Рэй показывает мне свою грыжу: «Глянь, какая – просто как чертов апельсин». Его брат Билли – спокойный парень, рано потерявший волосы, и с тех пор его голова лысая, как бильярдный шар.

С семи лет по выходным и во время школьных каникул я помогаю отцу развозить молоко в северной части города: в районе Хай-Фарм и там, где селились шахтеры. Отец работает каждый день, без выходных, за исключением Рождества. Он сам себе начальник, но выходной для него непозволительная роскошь. В те дни, когда я ему помогаю, он будит меня в пять утра. Младший брат продолжает спать, а я утепляюсь как могу. Зимой в комнате бывает так холодно, что на окнах появляется иней, мне приходится одеваться лежа под одеялом. Изю рта валит пар. Потом я спускаюсь и начинаю подготавливать камин, чтобы, проснувшись, его могли зажечь остальные. Надев старые кожаные перчатки с обрезанными пальцами, мы загружаем холодные железные ящики в микроавтобус, стараясь не разбудить соседей. Выезжаем на темные и пустынные улицы. С тех пор я люблю города по утрам, пока на улице никого нет. Все спят, и мы тихо подбираемся к домам, словно грабители. Кажется, что улицы принадлежат одним нам, и мы чувствуем их тайну, которая, по моим ощущениям, исчезает с появлением первых прохожих. **Я и сейчас не люблю спать допоздна. Я всегда встаю первым, лежебока – это точно не про меня.**

Зимой по утрам бывает очень холодно и мрачно. Часто из-за холода я по несколько часов не чувствую ног, а лицо и руки синеют. Если на дороге лед, то Бесси (так отец называет наш фургон) не может одолеть крутые подъемы у берега реки, и в часть домов нам приходится доставлять молоко на санках. Иногда от холода молоко замерзает и торчит колом из горлышка, пробив крышечку из фольги. Мы знаем, что за такие бутылки нам никто не заплатит, но не можем ничего с этим поделать. Иногда, когда совсем холодно, отец ставит в салон небольшой, работающий на парафине нагреватель, но так становится только хуже – из машины совсем не хочется вылезать.

Мой отец – стоик с большим запасом терпения, поэтому и я не жалуясь, не прошу вернуться домой. Я хочу, чтобы он мной гордился. Я хочу быть таким, как он, и осваиваю технику, как нести в руках одновременно шесть бутылок плюс еще парочку под мышкой. Я стараюсь запоминать номера домов и количество заказанных в них пинт молока, сообщаю отцу обо всех изменениях в заказах, он вносит их в специальную записную книжку. Мне кажется, что я работаю очень хорошо, но он никогда меня не хвалит.

Каждое утро в 7:30 мы делаем перерыв. Едим холодные бутерброды с беконом, смотрим на похожие на вулкан дымящиеся гигантские отвалы шлака за зданием у шахты. Мы молчим, каждый думает о своем. Отец часто бывает замкнутым и неразговорчивым, но я не против, ведь в тишине вклю-

чается воображение, уносящее меня далеко-далеко. Бегая с бутылками молока от одной двери к другой, я представляю варианты своего самого фантастического будущего: я стану главой большой семьи, куплю огромный дом в деревне, буду много путешествовать, стану богатым и знаменитым.

Рядом с нами жила тетя Эми (не родственница, просто в определенном возрасте все соседские женщины становятся тетями). Она собиралась уйти на пенсию, но все еще работала в конторе на судоверфи. Тетя Эми брала меня на торжественные мероприятия в честь спуска кораблей на воду. В такие дни какая-нибудь приглашенная знаменитость разбивала о борт судна бутылку шампанского размером в четыре раза больше обычной. Тетя Эми ставила меня на стол, на котором до начала церемонии стояла украшенная яркими лентами бутылка. Помню, как однажды подарочная бутылка оказалась выше моего роста. Помню также, как испугался, когда она разбилась о стальной борт корабля, как потекла пена, словно слюна, после чего все радостно закричали и корабль стал медленно сползать в воду, гремя и скрипя огромными железными цепями и опорами. Как-то раз на спуск корабля на «Роллс-Ройсе» приехала сама королева-мать. Машину окружал эскорт мотоциклистов, за ними ехали другие автомобили с vip-гостями в цилиндрах. Мы отчаянно размахивали маленькими британскими флагами, и я был уверен, что королева мне улыбнулась. Спущенные корабли вскоре бесследно исчезали и со временем становились метафорой мо-

им собственным странствованиям в этой жизни.

Однажды мы с мамой пришли в гости к тете Эми, с которой она подружилась. Возможно, тетя Эми в чем-то заменила ей умершую мать. Эми всегда хорошо одета, волосы уложены. На ней туфли на плоской подошве, толстые зимние носки и юбка из твида. Она выглядит как типичная представительница среднего класса. Моя мать относится к Эми как к некоему идеалу, к которому стоит стремиться. Они пьют чай и сплетничают – в общем, говорят о том, что меня не волнует. Мне семь лет, и я сначала прислушиваюсь к их разговору, но потом начинаю перебивать. Задаю вопросы вроде: «Тетя Эми, а когда следующий спуск корабля? А вы меня возьмете? А вы всегда работали в конторе на верфи?» Я вполне невинно болтаю, а потом из любопытства спрашиваю: «А почему у вас нет мужа?»

Наступает удручающая тишина, и мама смотрит на меня с выражением ужаса в глазах. Я понимаю, что ляпнул что-то не то. На мгновение кажется, что тетя Эми в замешательстве, но она быстро берет себя в руки.

«У меня был муж, – отвечает она, – но он погиб на войне». Она бросает на меня добрый взгляд. «Он был храбрым солдатом», – добавляет тетя Эми. После этого они с матерью начинают пить чай, словно демонстрируя синхронную хореографию подавленных чувств горя и одиночества.

Я стесняюсь спросить, как его звали и упомянута ли его фамилия на городском мемориале погибшим во время вой-

ны. Больше я никогда не задаю подобных вопросов.

Спустя какое-то время состояние здоровья тети Эми ухудшается, и она уходит с работы. Каждое утро перед началом школьных занятий мама дает мне чашку чая с молоком и сахаром и одно бисквитное печенье на блюдец... У меня есть ключ от квартиры тети Эми, и я сам отпираю ее дверь. Несу, стараясь не расплескать драгоценный чай. Стучусь и вхожу в спальню, ощущая незнакомый запах. Наверное, так пахнут болезни. Она благодарит меня и некоторое время держит мою ладонь в своей. Проходит несколько недель. Тетя Эми становится первым умершим человеком, которого я знал лично. Мама целый день плачет, мне не удается ее успокоить. «Вот, значит, какая она – смерть», – думаю я, и ко мне приходят кошмарные фантазии о том, как умирают мои родители или неожиданно начинается война, я остаюсь сиротой. Что ж, я никому не рассказываю об этих мыслях.

За нашим домом проходит мощный булыжником переулочек. В пазах между серыми холодными камнями я часто вижу проросшие стебли травы. Возможно, ее семена принесли сюда птицы или ветер. Я часто мечтаю о том, что трава разрастется и все превратится в чудесный сад, станет зеленым-зеленым. Но пока я мечтаю, мостовая остается, как и прежде, серой, лишь изредка между камнями пробивается юная зелень.

Чуть дальше по улице после дома тети Эми находятся два

магазина: лавка фарфоровых изделий, в которую, судя по всему, никто никогда не заходит, и парикмахерская Trotters, где мы с отцом стрижемся. Каждый раз мы просим «коротко на затылке и по бокам». Я еще мелкий и сижу на доске, лежащей поперек ручек парикмахерского кресла. Мне нравится, как покалывают короткие волосы, когда я провожу ладонью по затылку только что подстриженной головы. Я люблю эту мужскую атмосферу и запахи: кожаные ремни, о которые точат опасные бритвы, пенный помазок для бритья, бодрящий запах тоника для волос и помады, растущая горка волос на полу, «чик-чик-чик» ножниц, а также яркий, выразительный язык и словечки мужчин, когда они знают, что женщины их не слышат.

Рядом с парикмахерской находится типография, днем шумно печатающая Evening Chronicle, а по утрам – Journal. Неподалеку мой лучший друг Томми Томпсон продает газеты рабочим, когда те идут утром к верфи, и вечером, когда возвращаются домой. Мы дружим с первого школьного дня. У него темные цыганские глаза и напомаженный кок, как у его старшего брата тедди-боя. В городе завелась группа попижонски одетых тедди-боев, которые терроризируют первых встречных. Или им кажется, что терроризируют. Томми – милейший парень, но косит под хулигана, этакого Джина Винсента. С наглым выражением на лице Томми прохаживается неспешной походкой, вразвалочку. Такое ощущение, что он так и нарываяется на неприятности. Томми курит са-

мокрутки, ходит в школу, если у него есть желание, смело тырит в розничном магазине «Вулворт» всякую мелочь и демонстрирует невиданную глубину экзотических знаний сексуально распущенного поведения с соответствующим словарем терминов и выражений.

«Ты знаешь, что такое “катать сиськи”?»

«Нет», – смущенно и одновременно заинтригованно отвечаю.

«А жемчужное ожерелье?»

«Нет, Томми, не знаю...»

«Это когда парень достает свой болт и засовывает его между...»

Томми не ходит в церковь и утверждает, что не верит в Бога. Он мой духовный герой. Если мне удастся развлечь разговором моего продвинутого друга, то он может разрешить продавать Chronicle, пока сам сходит перекурить и выпить чашку чая в офисе. Томми учит меня, как надо выкрикивать на улице название газеты, растягивая гласные, и получается «eevenaienn chroaniicaaell». Как будто ты вдруг срываешься на крик. **Я должен смотреть в оба, чтобы за этим занятием меня не застала мама. Продажа газет для нее – удел простолюдинов, и я просто поддался дурному влиянию... На самом деле это моя первая работа, где мне понадобился голос.**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.